

© И.С. РОМАНЧУК

iromanchuk@mail.ru

УДК 342.3

**ЗАКОНОМЕРНОСТИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ, РАЗВИТИЯ
И ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ
И ВЛАСТЕОТНОШЕНИЙ**

АННОТАЦИЯ. В изыскании раскрывается понятие и природа государственно-правовых закономерностей генезиса и функционирования власти, а также проводится их соотношение с категорией «закон». Кроме того, исследуются вопросы обусловленности закономерностей осуществления власти различными детерминантами, и раскрывается их механизм действия.

SUMMARY. The research dwells upon the notion and character of state-law regulations of genesis and functioning of state power, their correlation with the category of “law” is determined as well. Furthermore, the issues of regulations conditionality of power realization by various determinants are investigated and their action mechanism is revealed.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. Власть, властеотношения, государственно-правовые закономерности, всевозможные детерминанты, закон, механизм действия, методология исследования.

KEY WORDS. Power, power relations, state-law regulations, various determinants, law, mechanism of action, research methodology.

Познание, а тем более выявление новых закономерностей генезиса и действия любого явления — главный лейтмотив любого познавательного и, конечно же, научного процесса.

Государственно-правовые закономерности, впрочем, как и любые другие закономерности являются своего рода «правилами игры» [1; 3] функционирования того или иного явления. Поэтому познание самого явления, раскрытие его природы, главных, глубинных существенных свойств, а также различных связей и отношений между его субстанциональными и институциональными элементами — это и есть процесс раскрытия его внутренних и внешних специфических закономерностей (законов) генезиса и функционирования. Не без основания С.С. Алексеев, рассматривая закономерности права, говорит, что знание о закономерностях права — высший итог познания правовой действительности [2; 132]. Это позволяет нам с логической точки зрения говорить о том, что знания закономерностей генезиса и функционирования власти — высший итог познания власти и властеотношений. В идеале же, если люди обладали бы знаниями обо всех существующих государственно-правовых закономерностях, то спокойно могли бы спрогнозировать любое событие. И, несомненно, прав был Ф. Бэкон, утверждавший, что «знание — это сила» [3].

В научной литературе существуют разные точки зрения на то, что представляют собой государственно-правовые закономерности. Так, например, одна из распространенных позиций заключается в том, что «государственно-правовая закономерность представляет собой объективную, систематическую повторяемость взаимосвязанных фактов и явлений в сфере государства и права» [4; 7]. Но при этом государственно-правовая закономерность «не тождественна социальному закону» [1; 7]. «Закон однозначно выражает какую-то определенную связь, в то время как закономерность выражает многие связи и отношения, к тому же она характеризует меньшую в сравнении с законом степень прочности связи, повторяемости явлений» [5; 21]. Иначе говоря «понятие закономерности несколько более широкое по объему и менее жесткое по смыслу» [6; 172].

По существу, автор согласен с данными представлениями о том, что такое государственно-правовая закономерность. Но, тем не менее, мы расходимся во мнении о том, что закономерности более гибкие, чем законы, и могут иметь различные отклонения. С нашей точки зрения, государственно-правовые закономерности абсолютно фатальны, объективны, не зависят от нашей воли и сознания и действуют всегда одинаково, так же как и другие законы материального мира. Закономерность — это «действие закона во всем многообразии его форм» [7; 91], которая отличается признаками императивности, всеобщности, необходимости, устойчивости, бескомпромиссности. А потому закономерности нельзя нарушить, проигнорировать или каким-то образом обойти. Государство и право, а вместе с тем и власть, имеют свои императивные законы генезиса и функционирования, изменить которые еще никому не удавалось. Поэтому на вопрос: реально ли наличествуют закономерности и наука лишь открывает их, или эти закономерности лишь порождение могучего научного разума, который и вносит сформулированные им закономерности в социальное и иное бытие [8; 7], который уже давно подымается в научной литературе, автор может ответить однозначно — мы можем только их выявлять и познавать, так как «человек, слуга и истолкователь природы ...» [9; 12], а уже потом на основе знаний о них заниматься государственно-правовым строительством и управлением общества, т.е. использование государственно-правовых закономерностей — это не их изменение или приспособление под свою ситуацию, а «их сознательное, планомерное практическое применение» [10; 57]. Наоборот, полное или частичное пренебрежение ими ведет к ничтожности результата, тщетности наших усилий. Не следует в связи с этим забывать, что закономерности не носят характер предписаний или пожеланий, а отражают объективную действительность [11; 184-208]. Не зря в литературе закономерности определяются как «отношение между сущностями» [12; 160].

Еще Ш.Л. Монтескье писал: «Законы в самом широком значении этого слова суть необходимые отношения, вытекающие из природы вещей; в этом смысле все, что существует, имеет свои законы...» [13; 163].

Однако некоторые авторы идут еще дальше. Так, например, Ю.Ю. Ветютнев утверждает, что могут возникать новые государственно-правовые закономерности [1; 10]. Автор категорически не согласен с данным утверждением, как уже было выше сказано, государственно-правовые закономерности мы отождествляем с любыми объективными законами развития материального мира, а соответственно закон (государственно-правовая закономерность) не может появиться или

исчезнуть. Так, например, трудно себе представить, чтобы власть существовала только для народа, или наоборот — народ для власти. Вышеприведенное исследование доказывает вывод, сделанный еще Ж. де Местром в начале XIX в., что оба суждения ошибочны, если приняты порознь, и истины, если приняты вместе [14; 292]. Именно в отношении взаимосвязи и взаимной зависимости существует народ и власть, как два явления созданные друг для друга. Так, верховная власть не может существовать без народа, ибо теряет чувства верховенства над кем-то, теряется во властных отношениях «подвластный», без которого о власти нельзя вообще говорить, кроме того народ обеспечивает необходимое свойство власти — «легитимность». Вместе с тем народ нуждается во власти, ибо он не может существовать без верховного правителя, который в свою очередь обеспечивает единство и целостность общества, а значит, и государственности.

Нам так же представляется, что закономерности, являясь разновидностями законов развития и функционирования материального мира, ни в коем случае не пересекаются, и никогда не появляется несколько вариантов выбора. Определенное сочетание тех или иных закономерностей приводит только к одному неизбежному варианту поведения. Совершенно справедливо по данному поводу заметил В.М. Сырых, что «... категория «закон» является единственным мерилом, которое позволяет не только отличать закономерные связи права, иных явлений от незаконных, случайных, но и признавать конкретные правовые закономерности в качестве разновидности всеобщей закономерной связи явлений природы и общества» [15; 49].

Многие авторы разграничивают случайность и закономерность. Мы не можем согласиться с данным выводом, и с нашей точки зрения все государственно-правовые закономерности основываются на различных причинах, появляющихся в обществе, так как «закон природы гласит, что все происходящее имеет причину, что каузальность этой причины, т.е. действие, предшествует во времени и в отношении возникшего во времени результата сама не могла существовать всегда, а должна быть произошедшим событием, и потому она также имеет свою причину среди явлений, которой она определяется...» [16; 484].

Сделанные выводы неизбежно порождают другой вопрос: какие конкретно причины детерминируют появление той или иной закономерности? По нашему мнению, данный вопрос является риторическим, так как понятно, что на любое явление действуют одновременно несколько причин, причем из разных областей. Поэтому «истинное знание есть знание причин» [9; 80]. В связи с этим государственно-правовые закономерности обусловлены различными причинами, поэтому мы полагаем, что данный факт можно именовать принципом императивного каузального детерминизма, который и обуславливает действие государственно-правовой закономерности, а в конечном счете — и изменения объективной действительности. В связи с этим можно заключить, что знания о государственно-правовых закономерностях — это прежде всего постижение совокупности каузальных детерминантов, влекущих их проявление. Весь этот процесс от появления каких-либо каузальных детерминантов, действие государственно-правовой закономерности (или их совокупности) и, в конечном счете, изменение объективной действительности, можно именовать механизмом действия государственно-правовой закономерности.

Все вышесказанное дает нам возможность сформулировать определение закономерностей генезиса и осуществления власти как выявленное наукой действие закона в возникновении, развитии или функционировании государственно-властной действительности.

Поэтому государственно-правовым закономерностям возникновения, развития и функционирования власти, как и любым закономерностям других социальных явлений, присущи все признаки родового понятия, но вместе с тем они имеют свою специфику. «В любой системе следует различать законы, которым она подчиняется, и законы, которые определяют ее внутреннюю сущность, ее специфику и отличие от других систем и уровней материи» [21; 80].

Теперь от чисто интеллектуального упражнения хотелось бы перейти к рассмотрению реального примера, какой-либо закономерности развития и функционирования государственной власти. Ибо размышлять о закономерностях вообще и не выявить ни одну из них не имеет совсем практической значимости. Как известно, лейтмотивом практически любого юридического исследования является положительное влияние на онтологию государственно-правовой действительности с целью ее качественного изменения.

Одна из важных закономерностей осуществления власти, выявленная в последнее время в государствоведении — это зависимость восприятия власти обществом от степени вовлеченности общества в осуществление власти [22; 16]. Известный латиноамериканский ученый Диего Валадес выделяет три возможных типа восприятия власти обществом: восторженное, с отвращением и рационалистическое [22; 16]. Представляется, что зависимость — от степени участия общества в осуществлении государственной власти — является не столь прямолинейной, как кажется на первый взгляд. Восторженное восприятие власти происходит в свехтеократических государствах (сверхидеологизированных государствах), когда правитель предстает перед обществом как помазанник Божий или вообще как богочеловек (или заменяющий религию идеологический компонент превращает правителя в вождя нации, (например, Ким Чен Ир в Северной Корее), и общество в процессе ротации власти вообще не принимает никакого участия. Отвращенное восприятие наблюдается когда общество также как и в первом варианте не принимает участие в осуществлении власти, но власть уже не имеет религиозной или заменяющей ее основы (тоталитарные государства). И последний, рационалистический, вариант имеет место в развитых демократических государствах, где общество имеет прямое влияние на власть и принимает участие в важных государственных решениях.

Теперь, что касается применения проведенного выше исследования к нашему примеру. Данная закономерность относится к роду государственно-правовых закономерностей генезиса и функционирования власти, так как, во-первых, государственный характер определяется ее отношением к управлению обществом в политической организации, т.е. государстве. Во-вторых, правовой характер подтверждается позитивным регулированием вопросов участия населения в осуществлении власти. В-третьих, генезис связан с рассмотрением степени участия населения в осуществлении власти в процессе развития властеотношений, и в другом контексте данный вопрос рассмотреть просто невозможно. И наконец, в-четвертых, механизм функционирования власти здесь выражается прямо и непосредственно, так как степень участия

населения в осуществлении власти влияет на отношение к власти, а значит, и на парадигму властеотношений в государстве, на легитимность власти и многие другие вопросы.

Остается также главный вопрос: является ли данная закономерность императивным законом функционирования государственной власти? Представляется, что да. Именно степень участия населения в осуществлении власти прямо и непосредственно влияет на модель отношений данного населения к власти. Конечно, здесь можно привести и другие побочные детерминанты, но они будут носить факультативный, а не прямой эффект. Изменить модель отношений общества к власти без изменения степени участия общества во властеотношениях невозможно (яркий пример проявления принципа императивного каузального детерминизма).

В завершение рассмотрения нашего примера можно выявить и другую закономерность, вытекающую из первой: ограничение произвола власти прямо пропорционально степени участия населения в ее осуществлении. Данное обстоятельство показывает взаимную зависимость всех закономерностей, так как они являются «правилами игры» одного социального явления — власти, но это уже предметная область другого исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: Дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 204 с.
2. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2-х тт. Т. I. М.: Юридическая литература, 1981. 360 с.
3. Бэкон Ф. Новый Органон. URL: <http://sireo.narod.ru/Philo/Ques11.htm>.
4. Ветютнев Ю.Ю. Государственно-правовые закономерности: вопросы теории и методологии: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2004. 28 с.
5. Вопленко Н.Н. Законность в условиях формирования социалистического правового государства // Советская правовая система в период перестройки: Сб. науч. трудов. Волгоград, 1990. С. 19-25.
6. Гончарук С.И. Объективные законы и их отражение в философии и конкретных науках // Философия и общество. 1999. № 3. С. 169-175.
7. Гончарук С.И. Принцип закономерности и его роль в социальном познании // Философия и общество. 1997. № 6. С. 89-106.
8. Венгеров А.Б. Теория права. М.: Юристъ, 1996. Т. 1. 166 с.
9. Бэкон Ф. Новый Органон // Сочинения в 2-х тт. Т. 2. М.: Мысль (Философское наследие), 1978. 575 с.
10. Рабинович П.М. Упрочение законности — закономерность социализма. Львов, 1975. 260 с.
11. Виндельбанд В. Нормы и законы природы // Избранное. Дух и история. М., 1995. С. 184-208.
12. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). М., 2000. 560 с.
13. Монтескье Ш. О духе законов // Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 800 с.
14. Грачев Н.И. Происхождение суверенитета: Верховная власть в мировоззрении и практике государственного строительства традиционного общества. М.: Зерцало-М, 2009. С. 292.
15. Сырых В.М. Логические основания общей теории права. Т. 1. Элементный состав. 2-е изд. М.: Юстицинформ, 2004. 528 с.

16. Кант И. Критика чистого разума // Сочинения в 6 тт. Т. 3. М.: Мысль, 1963. 793 с.
17. Васильев А.М. Правовые категории (Методологические аспекты разработки системы категорий теории права). М., 1975. 264 с.
18. Методологические проблемы правоведения / Крашенинникова Н.А., Чистяков О.И., Головастиков А.Л. и др. / Отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Изд-во МГУ, 1994 (1995). 169 с.
19. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 313 с.
20. Керимов Д.А. Философские проблемы права. М., 1972. 763 с.
21. Овчинников С.Н. Закономерности развития и функционирования права: Дисс. ... канд. юрид. наук. Л., 1987. 186 с.
22. Валадес Д. Контроль над властью. М.: Идея-Пресс, 2006. 248 с.